

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Ю. С. СОРОКИН

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЯХ СТИЛИСТИКИ*

1

Вопросы стилистики, т. е. вопросы, касающиеся правил и особенностей целенаправленного использования различных слов и форм общенародного языка в различного рода высказываниях, в речи, имеют острое, актуальное значение. Определение правил и законов языка всегда шло рядом с определением норм употребления тех или иных элементов языка в конкретных речевых контекстах. Нормативная грамматика и стилистика, лексикология, лексикография и стилистика связаны между собою давно и прочно. Еще Ломоносов учил, что грамматика своими правилами должна показать «путь доброй натуре».

Естественно, что в советскую эпоху эти вопросы языковых норм и языкового употребления должны были получить и получили особенно важное значение. Наша Коммунистическая партия, вся советская общественность уделяют исключительное внимание заботам о всемерном развитии и совершенствовании литературных языков многочисленных национальностей Советского Союза. Великая историческая задача, поставленная в нашем социалистическом государстве, — задача сделать всех трудящихся нашей родины культурными и образованными — предполагает, как одно из важнейших своих условий, научить их свободно и умело пользоваться разнообразными богатствами родного языка в его наиболее совершенной, обработанной мастерами, литературной форме. По-разному, но с равной степенью жизненной необходимости стоят задачи определения или дальнейшего уточнения языковых норм для языков младописьменных, где литературная традиция еще складывается, и для языков, на которых имеется многовековая литература с богато разветвленной и сложной, требующей особенно внимательного подхода системой правил употребления.

Понятно, что в этих условиях многообразны и ответственны задачи и в области стилистики русского языка. Русский язык — один из богатейших языков мира, его ресурсы — и в отношении словарного состава, и в отношении различных типов грамматических конструкций — огромны. Не одно поколение замечательных русских писателей, общественных деятелей, ученых, публицистов оставило нам живые образцы мастерского

* Помещая в № 1 журнала за 1954 г. статью Р. Г. Пиотровского «О некоторых стилистических категориях», редакция имела в виду организовать обсуждение вопросов стилистики общенародного языка, поднятых в докладе Ю. С. Сорокина «Об основных понятиях стилистики» на расширенном заседании Ученого совета Института языкознания АН СССР 19—23 июня 1953 г. Публикуемая статья Ю. С. Сорокина представляет собой переработанный текст этого доклада. Редакция предполагает продолжить начатое обсуждение и просит всех товарищей, работающих в области стилистики, принять в нем участие.

использования этих богатейших выразительных и изобразительных средств русского литературного языка в целях наиболее полного, точного, многостороннего и доступного массам выражения волновавших их идей, живой творческой мысли со всеми ее тонкими и характерными оттенками. Но языковая оболочка мысли, как и само содержание мысли, только тогда получают полную силу, когда они органически слиты, когда с естественной необходимостью для выражения определенных идей выступают свободно избранные формы словесного выражения, единственно в данном случае подходящие для данного содержания, формы, закономерность выбора которых ясно осознает употребляющий их и остро чувствует тот, к кому обращено высказывание. Это предполагает ясное и отчетливое знание стилистических возможностей различных элементов, из которых складывается язык, равно как и внимательное, вдумчивое изучение образцов стилистически совершенной речи.

Среди работ советских языковедов исследование и статьи по вопросам русской стилистики занимают заметное место. Можно сказать, что теоретический интерес к основным вопросам стилистики, определение основных понятий ее как особой языковедческой дисциплины, опыты систематического изучения языка и стиля различных произведений литературы относятся прежде всего к последним трем десятилетиям. Здесь самое важное место принадлежит статьям акад. Л. В. Щербы, особенно его статье «Современный русский литературный язык»¹, и многочисленным большим и малым исследованиям, монографиям и статьям акад. В. В. Виноградова. Здесь должны быть упомянуты также различные интересные исследования и статьи А. М. Пешковского, Г. О. Винокура, Л. А. Булаховского, Б. В. Томашевского, В. А. Гофмана, Б. А. Ларина и др. В этих исследованиях были впервые на теоретической основе поставлены вопросы о задачах стилистики как лингвистической дисциплины, об основных целях, задачах, условиях и различных направлениях стилистического исследования; здесь были сделаны попытки определения основных стилистических понятий. Так, в работах акад. Л. В. Щербы и В. В. Виноградова было выдвинуто понятие «стиля языка» как особой системы средств выражения, в то же время представляющей необходимую составную часть общей системы языка при определенном ее историческом состоянии. Две идеи, две формулировки, данные в работах этих исследователей, оказались особенно influentialными. Это, во-первых, представление о развитии литературном языке как системе концентрических кругов, данное в упомянутой статье Л. В. Щербы. «Русский литературный язык, — согласно этому взгляду, — должен быть представлен в виде концентрических кругов — основного и целого ряда дополнительных, каждый из которых должен заключать в себе обозначения (поскольку они имеются) тех же понятий, что и в основном круге, но с тем или другим дополнительным оттенком, а также обозначения таких понятий, которых нет в основном круге, но которые имеют данный дополнительный оттенок»². Нельзя не заметить, что в центре стилистических разграничений, производимых акад. Л. В. Щербой в системе литературного языка, находятся синонимические соответствия языковых средств, представление о большей или меньшей регулярности синонимических серий слов, выражений, грамматических форм и конструкций.

Другим положением, оказавшим большое влияние на последующий ход стилистических исследований, явилось то определение стиля языка, которое характерно для направления исследовательской работы акад.

¹ Л. В. Щерба, Современный русский литературный язык, «Русский язык в школе», М., 1939, № 4, стр. 19—26.

² Там же, стр. 23.

В. В. Виноградова в 30—40-х годах и с особенной отчетливостью выражено в его статье «О задачах истории русского литературного языка, преимущественно XVII—XIX вв.»: «С т и л ь я з ы к а — это семантически замкнутая, экспрессивно ограниченная и целесообразно организованная система средств выражения, соответствующая тому или иному жанру литературы или письменности, той или иной сфере общественной деятельности (например, стиль официально-деловой, стиль канцелярский, телеграфный и т. п.), той или иной социальной ситуации (например, стиль торжественный, стиль подчеркнуто вежливый и т. п.), тому или иному характеру языковых отношений между разными членами или слоями общества»³.

Не трудно заметить, что, соприкасаясь с представлением Л. В. Щербы о стилях как концентрических кругах в языке, определяемых в основном наличием синонимических серий, это определение стиля языка шире; в центре здесь оказывается вопрос о целесообразной организации речи в зависимости от определенной сферы применения языка и условий общения. Здесь перекидывается мостик от стилистических категорий как принадлежности индивидуального высказывания к категориям языковым. Поэтому акад. В. В. Виноградов и высказывает далее в этой же статье характерное убеждение, что «остроенная по этому принципу история русского литературного языка растворит в себе и языковой материал, извлеченный из сочинений отдельных писателей, лишит его индивидуального имени и распределит его по общим семантическим и стилистическим категориям языковой системы»⁴.

Таковы важнейшие понятия, которые были положены в свое время в основу стилистического исследования. В ходе этого исследования довольно быстро обнаружились затруднения, которые остаются не преодоленными и до настоящего времени. В этом легко убедиться, сопоставив высказывания разных исследователей в разные годы. Затруднение представила прежде всего задача описания стилей языка как определенной системы применительно к состоянию современного русского литературного языка. В общей форме эта задача определялась в уже цитированной статье акад. В. В. Виноградова так: «Описать и уяснить систему литературного языка в тот или иной период его истории — это значит: дать полную характеристику его звуковой, грамматической и лексико-фразеологической структуры на основе разнообразного и тщательно обработанного материала („литературных текстов“), выделить основные стили литературного языка и определить их иерархию, их семантический и функциональный вес и соотношение, их взаимодействие и сферы их применения» (разрядка моя.— Ю. С.)⁵.

Именно эти последние специфические задачи и остались до настоящего времени никак не решенными. В самом деле, нельзя же считать ответом на этот вопрос те очень общие, часто противоречивые и отрывочные сведения о книжном, разговорном, просторечном, или литературно-художественном, публицистическом, научном, деловом, канцелярском, или о торжественном, официальном, шутовом, насмешливом и т. п. стилях современного литературного языка, которые в более или менее произвольной комбинации, с теми или иными немотивированными добавлениями или усечениями и с самыми неопределенными разграни-

³ В. В. Виноградов, О задачах истории русского литературного языка преимущественно XVII—XIX вв., «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1946, вып. 3, стр. 225.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

чениями даются в известных стилистических обзорах. Этих неудачных попыток описания системы стилей современного русского литературного языка я коснусь ниже в другой связи.

Акад. Л. В. Щерба откровенно писал по этому поводу четырнадцать лет назад: «...я должен сказать, что к нашему великому стыду многое здесь для нас еще неясно»⁶. Проф. А. Н. Гвоздев сопровождает свой общий перечень стилей современного языка более уклончивым, но все же красноречивым признанием: «Сделанные замечания о стилях речи намекают лишь некоторые вехи в этом сложном вопросе, указывают только на важность его разрешения» (разрядка моя. — Ю. С.)⁷.

В чем же причины такого положения с основными, исходными понятиями стилистики, выдвинутыми более десяти-пятнадцати лет тому назад? Почему оказалось таким затруднительным делом охарактеризовать систему стилей современного русского языка и последовательно раскрыть само это общее понятие «стиль языка»? Ведь не было недостатка ни в интересе к этому коренному вопросу стилистики, ни в различного рода попытках его разрешения.

Думаю, что причина этого коренится в неправильности постановки этого вопроса, точнее говоря — в том, что вопрос о стиле языка часто ставится неисторически, абстрактно. Одна из причин теоретической неопределенности в основных понятиях стилистики, между прочим, заключается в том, что авторы ряда последних работ по стилистике недостаточно критически относятся к некоторым положениям относительно стиля языка, высказанным в исследованиях известных наших специалистов в 30—40-х годах, еще до того, как в ходе лингвистической дискуссии 1950 г. в трудах И. В. Сталина по языкознанию нашли свое систематическое изложение, дальнейшее развитие и разъяснение основные положения учения марксизма о языке. Характерно, что, опираясь на эти основные положения марксизма в языкознании, такой признанный специалист в области стилистики, как акад. В. В. Виноградов, неоднократно в последние годы указывал на необходимость критического рассмотрения и оценки понятий стилистики и в особенности стиля языка. В этой связи нужно отметить следующее место из редакционной статьи журнала «Вопросы языкознания». Указав на произведенные за последние два года не лишённые непоследовательности и противоречий попытки «более конкретно описать стилевое многообразие разных национально-литературных языков», редакция журнала писала: «Создание стилистики национального общенародного языка расширяет базу для построения описательных грамматик и лексикологий и вместе с тем служит опорой для изучения своеобразий литературно-художественного применения общенародного языка. В стилистике национального языка должны быть описаны и раскрыты функциональные различия форм речи в зависимости от условий, ситуации, цели, задачи, содержания языкового общения»⁸. Ср. и следующее критическое замечание (на той же странице), адресованное в этой статье проф. Гвоздеву как автору «Очерков по стилистике русского языка»: «Нельзя не признать слишком прямолинейным и упрощенно схематичным определение „стиля художественной речи“ как простой разновидности книжного стиля литературного языка, соотносительной с научным и публицистическим его стилями».

⁶ Л. В. Щерба, указ. соч., стр. 23.

⁷ А. Н. Гвоздев, Очерки по стилистике русского языка, М., Изд-во АПН РСФСР, 1952, стр. 15.

⁸ «Два года движения советского языкознания по новому пути» [передовая], «Вопросы языкознания», М., 1952, № 3, стр. 17.

Мне представляется, что в приведенном отрывке проблема стили речи ставится иначе, чем это делалось в тех определениях 30—40-х годов, которые цитировались выше. Во всяком случае, было бы полезно критически осветить понятие стиля языка, обратившись к материалам современного русского литературного языка. Настоящая статья и представляет собою попытку такого критического освещения. Она не может ставить целью полное разрешение этого вопроса; она только пытается проверить, насколько плодотворно и целесообразно декларативное выдвигание на первый план понятия о стиле языка, когда речь идет о таком развитом литературном языке, каким является современный русский литературный язык, насколько это понятие теоретически основательно и практически полезно.

2

Выше мы приводили определение стиля языка, согласно которому он представляет собою семантически замкнутую систему средств выражения, систему экспрессивно ограниченную и целесообразно организованную. Эти системы, представляющие стили языка, соответствуют, как было сказано, определенному жанру литературы или письменности, определенной сфере общественной деятельности, определенной социальной ситуации, определенному характеру языковых отношений между разными членами или слоями общества. Эти особые стили языка в совокупности составляют систему, характеризующую литературный язык в целом.

Нужно сказать, что эти представления в тех или иных вариациях противостоят в работах последнего времени, нередко выступая здесь в самом упрощенном виде. Так, например, А. И. Ефимов предлагает под термином «стиль языка» (которому он противопоставляет «слог» как особенность индивидуального употребления языка) понимать «...жанровую разновидность литературного языка»⁹. Что речь при этом идет прежде всего о приуроченности определенных стилей языка к определенным жанрам литературы, ясно хотя бы из следующего замечания: «Своеобразие слога, например, баснописца определяется не только характером самого литературного жанра басен, содержанием и идейной направленностью его творчества, но и тем, что этому жанру соответствует выработавшийся в литературном языке определенный стиль языка»¹⁰.

Усложненную вариацию в этом же роде находим в статье Э. Г. Ризель о проблеме стиля. Здесь за первым рядом таких стилей языка, как, например, стиль художественной литературы, публицистики, прессы, научной литературы, следует другой ряд, подчиненный первому и представляющий разновидности этих основных стилей. Так, например, разновидностями стиля художественной литературы признаются стиль поэзии, стиль прозы, стиль драмы. Внутри этих своего рода «подстилей» являются еще более частные стили, «...возникают стили народной песни, баллады, сонета и пр.»¹¹ И все это оказывается составляющим систему стилей языка. Четвергым стилиями, приуроченными к определенным жанрам литературы или письменности, ограничивается проф. А. Н. Гвоздев в своих «Очерках по стилистике». Это — научный стиль с примыкающим к нему деловым, стиль художественной речи и публицистический стиль как важнейшие элементы книжного стиля. В. Д. Левин, принимая как особые стили языка стили публицистический, научный и официально-деловой, не согласен

⁹ А. И. Ефимов, Об изучении языка художественных произведений, М., Учпедгиз, 1952, стр. 11.

¹⁰ Там же, стр. 16.

¹¹ Э. Г. Ризель, Проблема стиля в свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания, «Иностранные языки в школе», М., 1952, № 2, стр. 15.

с выделением на равных с ними правах стиля художественной литературы¹².

Мы помним, что, с другой стороны, стили языка рассматриваются как система определенных средств выражения, определенных элементов языка. Для каждого из них должны быть характерны определенные слова и выражения, формы, конструкции, не характерные для других стилей языка. Это — важнейшая сторона дела; в ней заключено основание для выделения всех этих разновидностей как стилей языка.

Но оправдывают ли это положение факты современного языкового употребления? Как будто бы не оправдывают. Во всяком случае, пока никому не удалось показать, что с каждым из этих стилей связаны специфические элементы языка, особые элементы его словаря и фразеологии, особые формы и конструкции, невозможные в других стилях или выступающие в этих других стилях как инородное тело.

Очень показателен данный в «Очерках по стилистике» А. Н. Гвоздева перечень стилей языка, сопровождаемый краткой их характеристикой: «Н а у ч н ы й с т и л ь, основное назначение которого — давать точное, систематическое изложение научных вопросов; в нем основное внимание привлечено к логической стороне излагаемого; поэтому иногда этот стиль обозначают как стиль интеллектуальной речи. К нему примыкает строго-деловой стиль законов, инструкций, уставов, деловой переписки, протоколов и т. д., в котором также господствуют интеллектуальные элементы языка (?); 2) с т и л ь х у д о ж е с т в е н н о й р е ч и, для которой типично стремление к яркости, образности, экспрессии речи: он включает большое число разновидностей (?); 3) п у б л и ц и с т и ч е с к и й с т и л ь — стиль агитации и пропаганды; его цель — убеждать массы, давать им лозунги для борьбы, организовать и вести их к победе. Этот стиль, в связи с такими задачами, широко пользуется как средствами интеллектуальной, так и средствами экспрессивной речи»¹³.

Не вдаваясь в критику многих частных противоречий и двусмысленностей в этих формулировках, отметим главное. В этой характеристике нет и намека на языковую специфику указанных стилей, она покоится на самом общем определении особых задач каждой из указанных разновидностей речи. Но могут ли в таком случае эти разновидности рассматриваться как особые стили языка? С другой стороны, можно ли отказать художественной литературе в интеллектуальных элементах языка, если только под ними понимаются прямые, лишённые экспрессивной окраски обозначения понятий; и распадается ли научный стиль, теряет ли он точность и систематичность в изложении научных вопросов при использовании в нем средств экспрессивной речи?

Всего страннее то, что всем этим разновидностям книжной речи противопоставляется стиль разговорной речи, в котором выделяется в свою очередь просторечный стиль. Но как тогда быть со стилем художественной речи, который никак не может уместиться в рамки речи книжной, если ее понимать как противоположность разговорной? Как быть, например, со стилистическими особенностями драмы, со стилистическими особенностями диалогов в различных жанрах художественной литературы? Что касается стиля просторечного, который, по утверждению А. Н. Гвоздева, выражается в отступлении от принятых норм общения, в допущении языковых элементов, имеющих экспрессивную окраску грубоватости, то этот стиль,

¹² См. В. Д. Леви́н, Вопросы языка художественных произведений, в кн. «Открытое расширенное заседание Ученого совета [Ин-та языкознания АН СССР], пов. второй годовщины выступления И. В. Сталина по вопросам языкознания. 18—21 июня 1952 г. Тезисы докладов», М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 49—56.

¹³ А. Н. Гвозде́в, указ. соч., стр. 14.

поскольку речь идет об особых языковых средствах, оказывается возможным в различных жанровых разновидностях речи. Можно ли, например, заказать стилю художественной речи или публицистическому стилю или даже научному стилю пользоваться в необходимых случаях этими элементами, имеющими экспрессивную окраску грубоватости?

Не трудно понять, почему все предпринятые попытки очертить особенные и характерные признаки литературно-художественного, публицистического и даже научного стиля как якобы особых разновидностей языка до сих пор не могли привести к положительным результатам и выливались в самые неопределенные, абстрактные и подчас двусмысленные определения. Дело в том, что в развитом национальном языке, как, например, в современном русском литературном языке, и нет таких замкнутых жанрово-речевых разновидностей. И художественная литература, и публицистика, и научная литература представляют сейчас столь развитые области человеческой деятельности, имеющие такое большое количество разнообразных задач, касающиеся столь различных сторон действительности и в таких различных аспектах, что ограничить их стиль какими бы то ни было изолированными элементами языка нет никакой возможности. В любой сфере общественной деятельности, в любом жанре литературы или письменности мы можем пользоваться и практически пользуемся различными средствами, которые предоставляет нам общенародный язык. Выбираем мы те или иные средства в каждом отдельном случае, исходя не из отвлеченных требований жанра, а учитывая конкретное содержание и назначение речи. Этот выбор определяется отношением пользующихся языком людей к данному содержанию, их всякий раз конкретными представлениями о назначении, функции данной речи. Вот почему правильнее было бы говорить не о публицистическом, литературно-художественном, научном и т. д. стиле языка, а о различных принципах выбора, отбора и объединения слов в художественно-литературных, публицистических, научных произведениях данной эпохи. Или иначе говоря: если и выдвигать общие понятия литературно-художественного, публицистического, научного стиля, то нужно помнить, что они выходят за рамки собственно языковые, что с точки зрения языковой они обнаруживают исключительное разнообразие и изменчивость.

Думаю, что это не требует особых доказательств в отношении художественной литературы, в которой широта, свобода объединения, разнообразие и многообразие применяемых языковых средств, проявившиеся уже в пору расцвета русской реалистической литературы со времен Пушкина и Гоголя, общеизвестны. Наиболее целесообразным было бы остановиться на этом вопросе применительно к так называемому научному стилю. В самом деле, в отношении выбора и подбора языковых средств он представляется с первого взгляда наиболее обособленным. Говорят, что научный стиль характеризуется подбором особых слов и выражений — специальной терминологии, логических или «интеллектуальных элементов языка» (вспомним характеристику А. Н. Гвоздева). Конечно, верно то, что изложение вопросов науки невозможно без разработанной системы специальных терминов. Но наличие специальных терминов само по себе не может еще составить характеристики научного стиля. С одной стороны, употребление научной терминологии далеко выходит за рамки только научной литературы. С другой стороны, было бы крайним упрощением представлять дело так, что научность освещения вопроса определяется только употреблением особой специальной терминологии.

Верно, далее, и то, что основное внимание при научном способе изложения привлечено к логической стороне излагаемого. Но разве логическая стройность изложения не является общим его достоинством?

Более определенной была бы чисто негативная характеристика научного способа изложения, т. е. указание на то, что в научных произведениях, как и в любых чисто деловых документах, не является существенной забота об образном применении слова, об украшении слога. Но, во-первых, отсутствие образности и заботы о красоте и изяществе изложения вовсе не есть обязательная принадлежность слога научных произведений. А во-вторых, эта особенность опять-таки не укладывается в рамки чисто языковых категорий.

Научный характер изложения определяется прежде всего содержанием речи, ее общей направленностью, характером и типами связи понятий, последовательностью в ходе изложения мысли, а вовсе не абстрактными нормами отбора языковых средств. Истинно научное изложение не замыкается в рамки каких-то особых форм речи. Оно может быть столь же разнообразно и изменчиво, как и изложение чисто художественное.

Возьмем для примера образцы слога такого классического произведения русской научной мысли, как «Рефлексы головного мозга» И. М. Сеченова. Вот кусочек из первого параграфа этой книги: «Вам, конечно, случалось, любезный читатель, присутствовать при спорах о сущности души и ее зависимости от тела. Спорят обыкновенно или молодой человек со стариком, если оба натуралисты, или юность с юностью, если один занимается больше материей, другой — духом. Во всяком случае, спор выходит истинно жарким лишь тогда, когда бойцы немного дилетанты в спорном вопросе. В этом случае кто-нибудь из них, наверное, мастер обобщать вещи необобщимые (ведь это главный характер дилетанта), и тогда слушающая публика угощается обыкновенно спектаклем вроде летних фейерверков на петербургских островах. Громкие фразы, широкие взгляды, светлые мысли трещат и сыплются, что твои ракеты. У иного из слушателей, молодого, робкого энтузиаста, во время спора не раз пробежит *м о р о з л о к о ж е*; другой слушает, притаив дыхание; третий сидит весь в поту. Но вот спектакль кончается. К небу летят страшные столбы огня, лопаются, гаснут... и на душе остается лишь смутное воспоминание о светлых призраках. Такова обыкновенно судьба всех частных споров между дилетантами. Они волнуют на время воображение слушателей, но никого не убеждают. Дело другого рода, если вкус к этой диалектической гимнастике распространяется в обществе. Там боец с некоторым авторитетом легко делается кумиром. Его мнения возводятся в догму, и, смотришь, они уже проскользнули в литературу. Всякий, следящий лет десяток за умственным движением в России, бывал, конечно, свидетелем таких примеров, и всякий заметил, без сомнения, что в делах этого рода наше общество отличается большой подвижностью»¹⁴.

Но, прослушав этот отрывок, скажут: это — прелюдия, это еще не научный стиль языка, это особый прием популярного стиля, совмещающего требования научности с доходчивостью изложения (как будто бы научный стиль исключает популярность).

Возьмем другой параграф, в котором автор знакомит нас уже с основными понятиями своей теории. Вот начало первой главы, где определяется общий характер рефлекторных движений. «Чистые рефлексы, или отраженные движения, всего лучше наблюдать на обезглавленных животных и преимущественно на лягушке, потому что у этого животного спинной мозг, нервы и мышцы живут очень долго после обезглавливания. Отрежьте лягушке голову и бросьте ее на стол. В первые секунды она как бы парализована; но не более как через минуту вы видите, что животное оправилося и село на стол в ту позу, которую оно обыкновенно принимает на

¹⁴ И. М. Сеченов, Избр. произвед., т. I, М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 7

суше, если спокойно, т. е. сидит, как собака, поджавши под себя задние лапы и опираясь в пол передними. Оставьте лягушку в покое, или, правильнее, не касайтесь ее кожи, и она просидит без движения чрезвычайно долго. Дотроньтесь до кожи, лягушка шевельнется, и опять покойна. Ципните посылку, и она, пожалуй, сделает прыжок, как бы стараясь убежать от боли. Боль прошла, и животное сидит целые часы неподвижно. Механизм этих явлений чрезвычайно прост: от кожи к спинному мозгу тянутся чувствующие нервные нити; а от спинного мозга выходят к мышцам нервы движения; в самом же спинном мозгу обоого рода нервы связываются между собою при посредстве так называемых нервных клеток. Целость всех частей этого механизма совершенно необходима для произведения описанного явления. Перережьте, в самом деле, или чувствующие, или движущий нерв или разрушите спинной мозг — и движения от раздражения кожи не будет. Этого рода движения называются *отраженными* на том основании, что здесь возбуждение чувствующего нерва отражается на движущем. Понятно, далее, что эти движения involuntary: они являются только вслед за явным раздражением чувствующего нерва. Но зато, при последнем условии, появление их так же неизбежно, как падение на землю всякого тела, оставленного без опоры, как взрыв пороха от огня, как деятельность всякой машины, когда она пущена в ход. Стало быть, движения эти машинообразны по своему происхождению.

Вот ряд актов, составляющих рефлекс или отраженное движение: возбуждение чувствующего нерва, возбуждение спинно-мозгового центра, связывающего чувствующий нерв с движущим, и возбуждение последнего, выражающееся сокращением мышцы, т. е. мышечным движением»¹⁵.

Здесь, наконец, как будто бы являются отдельные признаки того, что обычно характеризуется как особый научный стиль языка: применение специальных терминов и слов книжного характера, характерные логизированные построения обобщающих предложений. Но ведь выходит, что признаки этого особого «стиля» выступают эпизодически, их нужно выискивать в общем контексте, нарушая его индивидуальность, целостность, т. е. именно то, что и создает понятие стиля.

Аналогичную картину мы наблюдаем в современном языке и применительно к речи с различными экспрессивными устремлениями. В развитом национальном литературном языке (с характерным для него многообразием выразительных средств и с возможностями извлекать из многих слов и выражений различные тональности) возвышенный, риторический (ораторский), сниженный и т. п. стили речи также определяются не только (и, может быть, не столько) выбором каких-то особых, изолированных, специфических средств, слов, грамматических форм и синтаксических конструкций. В современном русском языке сравнительно мало таких слов и выражений, которые могли бы быть прдурочены только к одному из таких стилей речи. Возвышенный, сниженный и т. п. стили речи не исключают употребления слов и выражений различной стилистической окраски. Решающим для характеристики того или иного стили речи являются принципы соотношения и приемы объединения различных языковых средств в контексте речи.

Обратимся к некоторым характерным примерам. Вспомним два отрывка из произведений Чернышевского. Например, известное место из его рецензии на «Политико-экономические письма...» американского вульгарного экономиста Г. К. Кэре: «Исторический путь — не тротуар Невского проспекта; он идет целиком через поля, то пыльные, то грязные, то через болота, то через дубри. Кто боится быть покрыт пылью и выпачкать сапоги, тот не принимайся за общественную деятельность. Она —

¹⁵ И. М. Сеченов, указ. соч., стр. 12—13.

занятие благотворное для людей, когда вы думаете действительно о пользе людей, но занятие не совсем опрятное. Правда, впрочем, что нравственную чистоту можно понимать различно: иному, может быть, кажется, что, например, Юдифь не запятнала себя»¹⁶. Какой характер имеет здесь речь? Как будто бы ответ может быть один, если исходить из предмета речи и из положения и назначения данного отрывка в контексте всей рецензии: возвышенный. А чем это выражается? Подбором каких-то особых слов, выражений, форм, синтаксических построений, каждое из которых в отдельности мы могли бы назвать специфически возвышенными? Отнюдь нет. Напротив, здесь выбраны самые обычные, простые слова, здесь представлены такие синтаксические конструкции, которые применяются Чернышевским и по другим поводам, в других стилистических контекстах. Значит, возвышенность стиля этого отрывка создается чем-то другим, что еще должно быть определено, но во всяком случае не тем, что имеет отношение к какому-то одному замкнутому стилю языка.

Возьмем еще более известное место из романа «Что делать?», посвященное возвышенной, патетически-напряженной характеристике новых людей рахметовского типа: «Мало их, но ими расплетает жизнь всех; без них она заглохла бы, прокисла бы; мало их, но они дают всем людям дышать, без них люди задохнулись бы. Велика масса честных и добрых людей, а таких людей мало; но они в ней — теин в чаю, букет в благородном вине; от них ее сила и аромат; это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли»¹⁷.

Здесь не трудно показать, что создает этот явно возвышенный, эмоционально-напряженный, ораторски-страстный характер речи: ритмическая размеренность, характерные повторы и синтаксические параллелизмы, инверсированный порядок слов, цепь сравнений, сочетания существительного в именительном падеже с тем же существительным в родительном падеже множественного числа (со значением преимущественного выделения) и т. д. Но разве хоть об одном из этих средств можно сказать, что оно существует лишь в системе особого стиля языка, что оно не может быть использовано в языке в других ситуациях, с другой стилистической окраской и т. д.? И разве нет здесь таких средств (ср.: жизнь «заглохла бы, прокисла бы»), которые мы, рассматривая их в отдельности, никак не могли бы связать с возвышенным стилем? (ср. также слова *масса*, *теин* и т. п., которые скорее были бы связаны нами, в отвлечении от контекста, с научным стилем). И разве они вносят диссонанс, представляются инородным телом в этом столь определенном со стилистической стороны контексте? Еще Пушкин и Гоголь показали, что наряду с употреблением традиционно закрепленных за старыми стилями языка средств в разнообразных стилистических целях могут применяться такие средства, которые были ранее прикреплены к совсем другим разновидностям речи. Ср. в этом отношении сложность языкового состава известных патетических мест из лирических отступлений в «Мертвых душах» Гоголя.

3

К каким же выводам можно прийти на основании всех предшествующих рассуждений? В современном языке, со времени Пушкина, окончательно подорвавшего и разрушившего авторитет действительно существовавших разобренных, замкнутых и систематически организованных стилей литературного языка XVIII в., не существует различных обособ-

¹⁶ Н. Г. Чернышевский, Полное собр. соч., т. VII, М., ГИХЛ, 1950, стр. 923.

¹⁷ Там же, т. XI, 1939, стр. 210.

ленных стилей, какой-либо системы концентрических кругов, замкнутых и лишь частично соприкасающихся, иерархически соподчиненных. Что же тогда есть в языке с точки зрения стилистической? Что позволяет в разных случаях, в разных условиях речи выражать по-разному сходные понятия? В языке с его обширным и разнообразным кругом слов, выражений, форм, конструкций мы имеем лишь определенные стилистические возможности, которые могут быть очень различно реализованы в той или иной разновидности речи, в том или ином контексте высказывания. Понятно, что эти возможности, предоставляемые языком, могут быть очень разного порядка. В одном случае это будут слова и формы, которые мы могли бы традиционно обозначить как «нейтральные». Они действительно нейтральны или, если можно так сказать, безразличны к стилю, т. е. могут выступать в различных по своему стилистическому характеру высказываниях и, в зависимости от обстоятельств, от всего контекстного окружения, получать ту или иную окраску. Таких слов, выражений, форм слов и конструкций в языке много, они, без сомнения, составляют основную массу его средств. Что мы можем сказать, например, о словах основного словарного фонда, имея в виду их основные, прямые значения, являющиеся устойчивым, обычным для общенародного языка обозначением различных понятий и предметов? Такие слова, как *вода, камень, идти и ходить, белый, острый, напрасно*, и многие другие, действительно безразличны к стилю высказывания. Но само собою понятно, что говорящий не может быть безразличен к выбору слов. При определении стилистического характера речи, ее направленности мы не можем игнорировать важнейшего вопроса: прибегает ли говорящий или пишущий к этим обычным, простым и «нейтральным» словам или избегает их, заменяя их возможными синонимическими словами или оборотами, хотя в данном случае было бы необходимо и естественно употребить именно эти простые слова. Разве не характерно стремление Пушкина в борьбе с перифрастической и жаргонной манерой выражения опереться, как на важнейший элемент стиля, на эти простые, обычные слова?

Нейтральными по своей природе, несмотря на свое специальное назначение, являются и слова-термины, как прямые и точные обозначения определенных понятий. Лишь в особых условиях контекста они получают особую выделяющую их стилистическую окраску, обычно сталкиваясь в речи с их синонимами не специального значения или являясь в таком контексте, где их появление не ожидалось. Ср. иронически у Пушкина:

Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят — я снова счастлив, молод,
Я снова жизни полн — таков мой организм
(Извольте мне простить ненужный прозаизм).

Нейтральными являются и многие другие слова, не имеющие себе в словарном составе синонимических соответствий и не несущие яркой экспрессивной окраски. Но в языке имеется определенный круг (и в таких развитых литературных языках, как русский, хотя и несравненно меньший, чем первый круг, но достаточно широкий и разнообразный) таких слов и выражений и — отчасти — таких форм и конструкций, сфера употребления которых ограничена. Такие слова и выражения, такие формы являются не только носителями определенных лексических или грамматических значений, но и предполагают выражение того или иного отношения говорящих к определенным предметам и понятиям. Об этих словах можно сказать, что они обладают определенной стилистической тональностью сами по себе, как данные слова, независимо от контекста, что они несут с собой в тот или иной контекст определенную общую настроенность.

Вопрос об общей стилистической ограниченности тех или иных языковых средств тесно связан с вопросом о наличии в языке синонимических рядов соотносительных по значению слов и форм. Там, где при назывании определенного понятия, предмета есть возможность выбора одного из наличных в языке слов с соотносительным значением, там обычно, наряду со словами нейтральными, которые возможно употребить в контекстах с очень различной стилистической окраской, выступают и слова, определенным образом стилистически ограниченные.

Стилистически ограниченными словами являются, например, так называемые просторечные слова, вроде *лебезить*, *лафа*, *малость* (наречие), *недотепа* и т. п. Еще более явно ограниченное стилистически положение занимают такие слова и выражения, как *баять*, *зыбка*, *не замай* и т. п., которые обычно в современных словарях определяются как областные. В современной речи лишь в определенных особых стилистических условиях могут явиться слова устарелые, вроде *очи*, *сей* и т. д. Стилистические пометы при таких словах в современных толковых словарях обычно и имеют своей целью указать на такую общую стилистическую настроенность слова, которая предполагает наличие особых условий для его употребления. Но при стилистической характеристике слов не следует смешивать наличие общей стилистической окраски отдельных слов или выражений с теми экспрессивными оттенками, которые могут явиться у слова в различных контекстах в зависимости от выражения отношения говорящего к тому или иному предмету речи, а также в зависимости от тех или иных видов объединения слов в высказывании, от всего словесного окружения данных слов в контексте речи. Понятно, что общая стилистическая окраска слова или выражения, закрепленная за ним в языке, определенным образом ограничивает возможности его применения в различных контекстах речи. Нельзя употребить, например, слова *лафа* или *малость* (наречие), не внося в свою речь оттенка намеренной грубоватой непринужденности, фамильярности и т. п. Нельзя просто и всерьез именовать глаза *очами*, а об *этом* столе сказать, что он *сей*.

Но это еще только самая общая стилистическая характеристика слова, общее предупреждение о возможных границах его употребления. Полная и конкретная стилистическая характеристика слова может быть дана только в контексте речи. Как конкретно реализуется эта общая стилистическая предопределенность слова, какова будет его реальная окраска и его конкретное назначение в речи — это решается прежде всего его отношениями с другими словами в речи, той смысловой перспективой, в которую слово оказывается «вдвинутым» в каждом отдельном случае. Покажем это на нескольких примерах.

О слове *малость* в значении «немного, несколько» мы уже говорили как о слове, вносящем в контекст выражение фамильярной непринужденности, как о слове, тесно связанном прежде всего с экспрессивной разговорной речью. Но возьмем три примера¹⁸.

У Гончарова: «Сичас у дороги татарская деревушка будет: туда и заедем. Переждем малость!» Здесь употребление слова *малость* предопределено всем контекстом речи данного персонажа. Оно — лишь один из штрихов, указывающих на чуждый литературной норме характер этой речи. То же самое назначение имеет это слово и в следующем предложении из речи пьяного дебошира-миллионщика в рассказе Чехова «Маска»: «Почитали малость — и будет с вас...» И только в следующем

¹⁸ Заимствую их из «Словаря русского языка, составленного постоянной словарной комиссией АН СССР», т. VI, вып. I (Л., Изд-во АН СССР, 1927).

отрывке из стихотворения Лермонтова «Я к вам пишу: случайно! право» это слово имеет характер мягкой непринужденности:

...Если вас
Мой безыскусственный рассказ
Развеселит, займет хоть малость —
Я буду счастлив.

То же слово *малость* в значении «мелочь, нечто несущественное, пустишки» толковый словарь под ред. Д. Н. Ушакова характеризует как просторечное, а словарь С. И. Ожегова более осторожно как разговорное. Но понятно, что в примере из «Евгения Онегина»: «Что к моим ногам вас привело? Какая малость!» или из Тургенева: «Какая ничтожная малость может иногда перестроить всего человека», которыми словарь под ред. Ушакова иллюстрирует это значение, просторечность слова погашена контекстом, здесь является только легкая непринужденность выражения.

Упомянутые устарелые (для речи непосредственного бытового общения) слова типа *очи*, *чело* и т. п. занимают обособленное положение в системе стилистических средств современного русского языка. Но они в одних условиях могут быть реализованы как средства поэтически-вышенной характеристики предмета (отчасти даже в языке наших дней), в других — как средства ироническо-сатирической его характеристики. Определение стилистических возможностей слова тесно связано, с одной стороны, с изучением различных значений слова и отношений между ними, с другой стороны, с изучением фразеологических связей слова в отдельных его значениях. Одно и то же слово, в случае его многозначности, может вести себя в стилистическом отношении далеко не одинаково в зависимости от того, какое значение его реализуется и в сочетании с какими словами оно вступает. Так, у многих слов (в частности, слов основного словарного фонда) с основным конкретным значением стилистически нейтральным являются вторичные, по преимуществу переносные значения, стилистически ограниченные. Ср., например, слово *вода* в его основном значении и в переносном, образном значении «многословие, пустословие»; *знать* в его конкретном значении и в значении «вести речь к какой-либо цели, намекать на что-либо» (*Он все знает к тому, чтобы сделать по-своему*); *клеиться* в его соотношении с *клеить* в конкретном значении и то же слово в значении «идти на лад» (*Разговор не клеится*).

При определении стилистических возможностей слова чрезвычайно важно учитывать границы его сочетаемости с другими словами, его возможные фразеологические связи и обусловленные этим изменения его экспрессивно-стилистической окраски. Указывая на второе значение глагола *водиться*: «находиться, иметься, жить, быть», словарь под ред. Д. Н. Ушакова не сопровождает это значение какой-либо стилистической пометой. Между тем приводимые здесь в качестве иллюстраций речения и цитаты легко обнаруживают свою стилистическую неоднородность, находящуюся в зависимости от сочетаний этого слова с другими словами и, соответственно, от того, какие синонимические соответствия может найти себе в языке данное слово. Так, если пример *В реке водятся щуки* показывает действительно стилистически нейтральный характер данного глагола, то примеры: *У батюшки Ипата водились деньжата* и даже *За ним водится этот грех* уже нельзя не признать указывающими на известную стилистическую тональность глагола *водиться*.

Характерный пример резкого изменения экспрессивно-стилистической тональности показывают слова, относящиеся в своем основном значении к понятиям, связанным с миром животных, при отнесении этих слов к человеку и его действиям (ср. *морда*, *дохлый*, *медведь*, *осел* и т. п.). Чрезвычайно показательно в этом отношении и приобретение экспрессивно-

просторечных стилистических красок словами конкретно-предметного значения при их сочетании со словами отвлеченного значения. Ср., например, фразу: *У него была прореза на пальто* и выражение Писарева *прорези гегелизма*; ср. *лоскут ситца* и следующий отрывок из статьи Чернышевского «Г. Чичерин как публицист»: «...оказываются в системе большие пробелы, и русский ученик (буржуазных либеральных публицистов Запада.— Ю. С.) наполняет их, как умеет, лоскутами фактов и понятий, набранными откуда бог даст»¹⁹.

Таким образом, вопрос о стилистических возможностях слова неразрывно связан не только с изучением синонимии языка, но и с изучением типов и видов значений слов и фразеологических связей и сочетаний слов в различных возможных контекстах речи.

Итак, весь ход нашего рассуждения ведет к следующему:

1. Вопрос о стилях языка нельзя ставить отвлеченно, исторически, безотносительно к этапам развития национального литературного языка. Мы имеем полное основание говорить о стилях языка как об особых, семантически замкнутых типах речи применительно, например, к русскому литературному языку XVIII в. времени Ломоносова. Мы не имеем достаточных оснований говорить о таких или подобных стилях языка применительно к литературному языку начиная со времени Пушкина.

2. Мы не имеем в современном русском литературном языке, как в языке, достигшем очень высокой степени развития и представляющем исключительное разнообразие своего употребления, стилей языка как особых его (языка) сфер, типов, систем. Но каждое высказывание, каждый контекст обладает стилем; в речи мы находим всякий раз определенный выбор слов, форм, конструкций, порядок их расположения и определенное их сочетание, которые зависят как от содержания и назначения речи, так и от общих законов, правил и возможностей языка. В этом смысле мы и должны говорить о стилях речи, причем их характеристика должна быть гораздо более конкретной и тонкой, чем это имеет место в современных пособиях по стилистике.

3. Помимо изучения всего разнообразия конкретных стилей речи, конкретных приемов сочетания языковых элементов в высказывании, важнейшую задачу стилистики составляет определение общих стилистических возможностей отдельных элементов языка, тесно связанное с изучением его синонимии, системы значений слова и фразеологии.

В последнее десятилетие довольно распространенным стало разделение стилистики на лингвистическую (иначе: лингвостилистику — термин, введенный, если не ошибаюсь, Л. А. Булаховским) и литературоведческую. Такое разделение следует признать внешним, не вскрывающим действительного различия направлений и целей стилистического исследования.

Возьмем, например, определения стилистики как лингвистической и как литературоведческой дисциплины в «Очерках по стилистике русского языка» А. Н. Гвоздева. О лингвистической стилистике здесь говорится, что это «...стилистика, рассматривающая и оценивающая средства национального языка с точки зрения их значения и экспрессии, изучающая систему выразительных средств известного языка...»²⁰. Такое определение нельзя не признать расплывчатым и неясным. Во-первых, при этом лингвистическая стилистика сливается с семасиологией (она рассматривает и оценивает средства языка «с точки зрения их значения»), и ее предмет поэтому становится неопределенным. Во-вторых, что касается экспрессии средств национального языка, то она, как мы уже говорили, в

¹⁹ Н. Г. Чернышевский, Полное собр. соч., т. V, 1950, стр. 667.

²⁰ А. Н. Гвоздев, указ. соч., стр. 10.

большей части случаев оказывается изменчивой, зависящей от условий, содержания и назначения речи. Но тогда чем отличается принципиально (не по объему) лингвистическая стилистика от стилистики как литературоведческой дисциплины? Ведь основную задачу последней А. Н. Гвоздев определяет так: «...выяснение того, как писатели для воплощения своих художественных замыслов, для выражения своей идеологии используют выразительные средства, которыми располагает язык»²¹. Но экспрессия языковых средств нередко и во многом зависит именно от этого «как», от конкретного применения и контекстового окружения слов, отдельных языковых элементов. Кроме того, непонятно, почему особо выделяется стилистика как проблема литературоведения: являясь частью общей проблемы о приемах и способах использования языковых средств для выражения определенного круга мыслей, определенной идеологии, она имеет отношение и к науке, к публицистике и т. д.

Более правильным представляется общее разделение стилистики на стилистику аналитическую и стилистику функциональную — два раздела, тесно между собою связанные, хотя и имеющие свои особые границы и специальные задачи. И в том и в другом случае стилистика представляется как особая, прикладная область языкознания, поскольку речь идет об изучении средств языка и их применении. Но понятно, что стилистическое исследование предполагает совместную заинтересованность и сотрудничество языковедов со специалистами других отраслей науки — литературоведами, поскольку речь идет об изучении стилистического мастерства писателей и публицистов, представителей других наук, поскольку речь идет о языке и стиле произведений научного характера и т. д.

Как же могут быть определены задачи двух основных разделов стилистического исследования? Стилистика аналитическая, как нам представляется, имеет своей задачей изучение той общей стилистической тональности отдельных элементов языка, о которой речь шла выше. Такое изучение тесно связано с изучением синонимии языка, синонимических соответствий слов и форм. Понятно, что аналитическая стилистика, рассматривая отдельные слова, выражения, формы, конструкции языка по отдельности и в их соотношении с возможными их языковыми синонимами, может помочь лишь общему определению границ общенародного употребления слов и форм языка при определенном состоянии его синонимической системы. Это исследование еще не представляет собой стилистики в собственном смысле, хотя без него и невозможно ее существование. Важнейшим результатом такого исследования является выделение наряду с так называемыми «нейтральными» элементами языка таких его элементов, которые вносят в контекст определенную настроенность, употребление которых возможно лишь при определенных стилистических условиях.

Что касается стилистики функциональной, то она изучает конкретные принципы отбора, выбора и объединения слов в контексте речи в связи с общим смыслом и назначением высказывания. Ее задача — анализ многообразия стилистических применений элементов языка в конкретных речевых условиях. Именно здесь мы сталкиваемся с понятием стиля речи, с тем, без чего немислимо никакое высказывание; конкретное многообразие этих стилей речи мы должны изучать и оценивать, избегая тех схематических делений на «стили языка», которые никак не помогают вскрыть это многообразие использования языка в различных целях, социальных условиях, в различных областях общественной деятельности и в зависимости от различного содержания речи.

²¹ А. Н. Гвоздев, указ. соч., стр. 10.